

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв.

Татьяна Витальевна Попова (Екатеринбург)

Русское словообразование рубежа XX–XXI веков явно свидетельствует о том, что «праздник вербальной свободы», начавшийся в русском языке после перестройки, не только не завершен, но даже набирает силу. Деривационные механизмы русского языка способствуют возникновению значительного количества лексических новообразований «кентавроподобного», поликодового типа. Достаточно вспомнить те новообразования, в которых легко соседствуют элементы, оформленные с помощью графических средств разных языков: *internetmen*, *VIP-билет*, *Propaganda*, названия передач «*TV-парк*», «*ТелеGa*» и под.

Особенно много новообразований-«кентавров» появляется вследствие языковой игры в разговорной речи и периодических изданиях, в последних – прежде всего среди имен собственных. Например, анализ только двух страниц екатеринбургской газеты «Телесемь» (№ 42, 2003) обнаружил более десятка аналогичных номинаций – названий телепередач: «*PRO-Обзор*», «*PRO-новости*», «*Евро Ньюс*», «*Муз-Film*», «*ПуП-парад*», «*СВ-шоу*», «*ТВ-клуб*», «*ТелеGa*» «*Точки. ru*» / «*Точки. Ru*» и т.д. Подобные номинации воспринимаются современным человеком как одно слово в силу соотносительности с одним денотатом и необычности формы, цельность которой может быть подчеркнута графическими средствами, например наличием дефиса.

Приведенные выше неолексемы свидетельствуют о возрастании продуктивности графико-орфографического способа словообразования, или граффиксации, о появлении новых словообразовательных формантов, новых словообразовательных моделей и формировании класса дериватов нового типа.

Граффиксация как новый способ русского словообразования был выделен в качестве самостоятельного способа русской деривации В.П. Изотовым (1998), хотя словообразовательный и художественно-экспрессивный потенциал графики и орфографии отмечался в лингвистической литературе и раньше. Этот способ был выделен в ходе анализа следующих групп новообразований:

- Новообразования, созданные на базе русской графики с отступлениями от традиционного написания: «*ПуП-парад*», «*СВ-шоу*», «*ТВ-клуб*»;
- Новообразования, созданные на базе русской графики и единиц невербального кода: *Мурак@ми* ← *Мураками*; *1,5цкий* ← *Полторацкий*, *во-1* ← *во-первых*;
- Новообразования, созданные на базе русской и иноязычной графики с отступлениями от традиционного написания: «*PRO-Обзор*», «*PRO-новости*», «*Муз-Film*».

В.П. Изотов определяет **графиксацию** как «такой способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т.п.)», причем только одного языка (Изотов 1998: 76). Анализ современных дериватов позволяет расширить понимание графиксации, поскольку в качестве словообразовательного средства могут использоваться элементы латиницы и других кодовых систем: цифры, знаки Интернета, знаки физических и химических формул и т.п.

В настоящее время можно выделить такие разновидности графиксации, как:

1) **дефиксация** – разбиение слова дефисами на части или слоги с приданием ему другого значения: «ботать *по-дерриде*» [В. Курицын]; *по-кончить* с собой [М. Липовецкий];

2) **парентезис** (ср. англ. *parenthesis* – ‘брать в скобки’): *пост(а)теист* [М.Эпштейн]; *(само)уничтожение*; *не(слишком)ленькие* [М. Липовецкий];

3) **квотация** (ср. англ. *quotation marks* – ‘кавычки’): «*супер*»*вещь* или «*супер*»*идея* [М.Эпштейн];

4) **слешинг** (ср. англ. *Slash* – ‘наклонная черта’): **пред/постмодернизм*;

5) ***полипунктуализация**¹ (ср. лат. *punctum* – ‘точка’, *poly* – ‘много’) – использование многоточия для модификации слова: «*Оппозиция – оп...позиция*»;

6) ***апострофизация**: «*Аз’ арт*» (название рубрики об азах искусства в «Огоньке»);

7) ***курсивизация** – выделение курсивом одной из частей слова, которая совпадает с реально существующим словом: «А я забыл, кто я. / Звук злата все звончей. / Казна – известно чья? / А я – чей *казначей*?» (В Высоцкий);

8) ***экскламация** (ср. англ. *exclamation* – ‘восклицание’) – использование восклицательного знака для разбиения узуального слова на две и более лексемы, обладающие прагматической значимостью: *вода* → «**Во!Да!**» (название газированного напитка одного из екатеринбургских заводов);

¹ Термины, отмеченные знаком (*) предлагаются автором данной статьи, хотя само явление могло быть выявлено другими исследователями.

9) ***графоморфоактуализация**, или **бислешинг (двойной слешинг)** – нетрадиционное деление слова на морфемы, приводящее к актуализации его внутренней формы: *разговоры о // раз // оружии* (Костюков 1966: 230) ;

9) **слияние**, или **голофразис**, или **интеграция** (Гугунава 2003: 18-19), – написание сочетания слов или целого предложения без пробелов: *политика-как-продолжение-войны-только-другими-средствами, готовый – состоявшийся-уже-произошедший, присутствие-в-отсутствии, пространственное – становление - времени, художник-не-от-мира-сего, время-после-нас, истина-для-всех* и др.;

10) **неузуальное** слабо мотивированное или немотивированное **чередование строчных и прописных букв**: «*ПиП-парад*», «*СВ-шоу*», «*ТВ-клуб*»; «*ФаБРИкует*» (пример В.М. Костюкова), «*ПРАВОписание*» (название статьи, в которой рассказывается, что старшеклассники потребовали отставки директора школы);

11) * **грамма-редупликация** – повтор буквы: «Ну рай!... Только вот плохо – ждешь-ждешь-ждешь... *Тишишишишина*» (С. Валяев) (Изотов 1998: 77-78; Гугунава 2003: 20-21; Николина 2003: 376-387 др.).

Новые словообразовательные форманты русского словообразования. Все подвиды графического способа образования русских слов свидетельствуют о том, что «наибольшую активность в современном словотворчестве проявляют не аффиксальные, а операциональные форманты (усечение, преобразование парадигмы, устойчивый порядок компонентов)» (Николина 2003: 386). Если определять словообразовательный формант как все формально-структурные различия, которые отличают производное слово от его производящей базы, то к новым (или, по крайней мере, актуализировавшимся) формантам современного русского языка можно отнести следующие:

1) пунктуационные знаки: скобки, слэш, кавычки, многоточие, дефис, восклицательный знак и под.; именно они отличают производное новообразование от производящей базы: *время после нас* → *время-после-нас*, *азарт* → *Аз' арт*, *постатеист* → *пост(а)теист*, *суперидея* → “*супер*”, *идея*;

2) шрифтовое или регистровое выделение части производящего слова: *Оптима* → «**ОПТИМА**льное решение» (реклама сигарет «Оптима» /Комс. пр., 30.11.2001/», *про питание* → «**ПРО**питание» (рубрика в журнале): *сок* → «*Нужно СО*Колозное зрение» (заметка о способах определения качества сока /Биржа, 27.05.2002/);

3) иноязычные морфемно-словесные элементы, оформленные латинской, а не русской (кириллической) графикой: **internet**мэн, **coneц** (конец), **де**конструкция, **hoto**центризм;

4) инокодовые (небуквенные) графические средства: *встреч@ться в чат*; *Мурака@ми*; **1,5ц**кий ← *Полторацкий*;

5) окказиональное написание узуального русского слова: *тишина* → *Тишиииииииина* (С. Валяев) и др.

Использование неузуальных словообразовательных формантов приводит к неоднозначному осмыслению и экспрессивизации производного слова, что позволяет ставить вопрос о **выделении** особого класса дериватов современного русского языка – **класса экспрессивно-игровых производных**. Традиционно однословные дериваты в зависимости от соотношения лексических и грамматических значений производного и производящего слов относятся к одной из 3-х групп – к синтаксическим, мутационным или модификационным дериватам. У дериватов первой группы лексические значения совпадают во всех компонентах, кроме категориально-грамматического: *учить* → *учеба*, *вязать* → *вязание*, *широкий* → *широко* и под. Лексические значения мутационных дериватов существенно отличаются от значений их производящих, часто – категориально-лексической семьей: *учить* «передать знания от одного субъекта другому» → *учитель* «человек, который профессионально учит (обучает) кого-л.», *учить* «передать знания кому-л.» → *проучить* «наказать кого-л. с целью предотвращения повторных нежелательных действий со стороны объекта воздействия». Лексические значения модификационных дериватов отличаются от значений их производящих в основном частной (уточняющей) дифференциальной лексической семьей: *домик* это «маленький дом», *домишко* «уменьшительно-пренебрежительное к дом».

В экспрессивно-игровых производных появляются прежде всего новые коннотативные компоненты лексического значения – эстетический и стилистический: такие дериваты эстетически ориентированы, призваны доставить говорящему и собеседнику интеллектуально-эмоциональное и эстетическое удовольствие от игры словом, от создания и разгадывания вербальных головоломок и шуток.

Экспрессивно-игровые производные обладают также такой яркой семантической характеристикой, как полисемантичность и размытость лексического значения. Например, существительное (*не*)*бытие* потенциально имеет несколько мотиваторов и соответственно несколько результатов словообразовательного процесса: *бытие* → *небытие*, *небытие* → *бытие*, *бытие* + *небытие* → *бытие–небытие*. Значит, (*не*)*бытие* – это одновременно «бытие», «небытие» и промежуточное состояние «бытие-небытие»; сосуществование в одном деривате этих взаимоисключающих фаз бытия и создает размытость, многослойность, неоднозначность его лексического значения. Контекст не позволяет выбрать один из смыслов в качестве доминирующего.

Д.В. Гугунава предлагает называть подобное словообразование **виртуальной деривацией** (Гугунава 2003: 20-21). Под последней, как нам кажется,

ся. целесообразно понимать не одновременное существование и несуществование деривата (точка зрения Д.В. Гугунавы): производное слово реально представлено в форме (*не*)*бытие*, т.е. существует, а наличие полевой организации мотивационной базы и семантики деривата: однозначна лишь графическая форма производного, но неузуальное написание позволяет соотнести ее с разными мотиваторами, что и обуславливает неоднозначное осмысление производного.

Выделенные виды графикации, порождающие неоднозначность истолкования деривата, его некоторую виртуальность, соответствуют такой тенденции современной художественной речи, как культивирование «поэтики полуслова» (Зубова 200: 355), поэтики недоговоренности, что создает эффект многомерности окружающих человека миров. Отказ от определенности значений и закрепленных в слове смыслов приводит к тому, что читатель воспринимает прежде всего не реалии и явления, изображаемые в тексте, а авторские интенции, «существование на ... мерцающих, пульсирующих границах» (Бавильский 2000: 182).

Создание приведенных выше графодериватов эксплицирует и такие новые тенденции современного словотворчества, как активное развитие инкорпорирующего сращения, размывание границ между морфемами, отдельными словами и классами слов, и даже между словом и предложением. Усиление неопределенности языкового знака, в том числе в сфере словообразования (Н.А. Николина), отражает «катастрофический распад реальности» (Эпштейн 2000: 138), окружающей современного человека и воспринимаемой им, а также диффузность, нестабильность, текучесть его картины мира.

Литература:

- БАВИЛЬСКИЙ, Д.: *Из глубины* // Знамя. М., 2000. № 2.
- ГУГУНАВА, Д.В.: *Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодернизма*. Автореферат канд. диссертации – Н.Новгород, 2003.
- ИЗОТОВ, В.П.: *Параметры описания системы способов русского словообразования*. Монография. – Орел, 1998.
- КОСТЮКОВ, В.М.: *Об одной разновидности индивидуально-авторских слов* // Русский язык в школе. 1986. № 4. С.93-97.
- НИКОЛИНА, Н.А.: *Новые тенденции в современном русском словотворчестве* // Русский язык сегодня. Вып. 2. – М., 2003.
- ЭПШТЕЙН, М.: *Постмодерн в России*. Литература и теория. – М., 2000.